

Ложный рассвет / False Dawn (рассказ)

Перевод коллектива "Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения". Их группа VK находится [здесь](#).

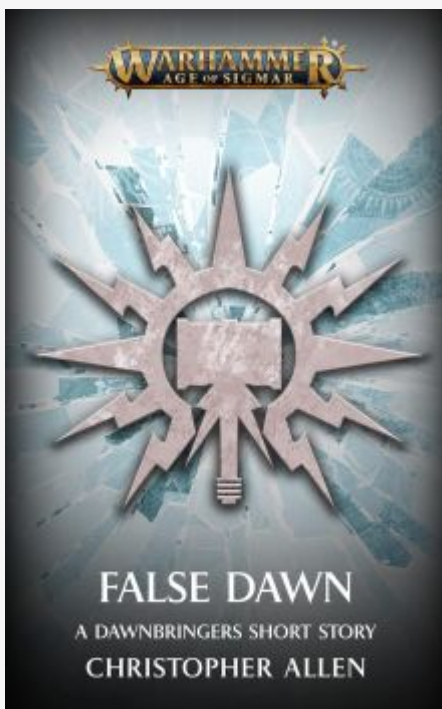
Перевод коллектива "Warhammer: Чёрная Библиотека"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Warhammer: Чёрная Библиотека". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Ложный рассвет / False Dawn (рассказ)

Автор	Кристофер Аллен / Christopher Allen
Переводчик	OniBes
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Рассветоносцы / Dawnbringers

Год издания	2023
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Красота местного пейзажа выглядела притворной.

До самого горизонта, насколько хватало взгляда Эфренны Бринн, болотистая гладь переливалась в неумолимом, слепящем сиянии небесного свода. Свет находил отражение и в расходящейся по воде ряби, и на выступах перламутровых скал. Пелена лёгкой дымки стелилась над прозрачными заводами и расцветала холодными красками. В этих отдалённых хишианских просторах всё, чего касался дневной свет, становилось мерцающим чудом, и потому картина перед глазами капитана буквально утопала в сверкающих деталях. Зрению смертного охватить всё это было не под силу.

Позади Эфренны по илистой грязи тащилась неровная колонна. Она насчитывала более тысячи рассветоносцев — волочащий ногами сброд из солдат, паломников, фанатиков и авантюристов. Большинство тарачилось по сторонам с наивным благоговением, не замечая никакой опасности. Глаза же её личной авангардной роты — сотни ветеранов, отобранных вручную из вольной гильдии Пяти Гвоздей, — были подведены пепельно-чёрной краской, дабы сияние слепило их не так сильно. Лишь они были готовы к битве.

С тех самых пор, как она выкарабкалась из низов Спирального Узла, Эфренна всеми силами старалась быть первой в своём походе. Вера, которая воспламеняла сердца паломников, казалась ей недостижимой. Эфренна понимала, что азирские лордённыши и офицеры вольной гильдии одинаково возмущены той властью, которую она, как Обретённая, заслужила над ними. Но это не имело значения, ибо она была готова заплатить любую цену за малейший шанс показать всему миру, на что она способна. Была ли капитан им симпатична или совсем наоборот, в глубине души Эфренна верила, что они — её путь к предначертанному величию.

Из всей массы Рассветных было трудно выделить кого-то одного, но подзывающий жест походного командира капитан всё же заметила. Во Владении Света такую властность могла источать только Анаксимандра; кажется, один лишь вид её девственно-чистых, бело-серебряных мантий мог пристыдить даже ясное хишианское небо. В отличие от них от всех, волшебница пребывала в совершенно ином мире. Даже посреди этой трясины она каким-то образом умудрилась не испачкать подол своего одеяния.

Странное это дело — получать приказы от волшебницы, но Эфренна подчинилась, протиснувшись сквозь колонну Рассветных. Несмотря на то, что Анаксимандра не была ни генералом, ни жрецом, её пронизательность и власть над походом считалась абсолютной.

Когда капитан приблизилась, Анаксимандра удостоила её беглого взгляда, после чего уставилась на горизонт.

— Мы приближаемся к Элюцидам.

— Примерно, день пути, магистр, — сказала Эфренна. — Мы прибудем завтра, если вы позволите мне

растолкать этот сброд.

— Нет, капитан. Мы в глуши, а значит действовать будем осторожно. Мне необходимо на практике оценить геомантическую энергию в округе. Эти пруды когда-то были полями, а скалы – менгирами. Какую бы мощь ни заключали в себе Элюциды, она всё ещё теплится в их положении и формах.

Эфренна презрительно фыркнула.

— Город пал столетия назад, и вы думаете, что, какое бы там колдовство ни практиковали эти мистики, оно всё ещё царит в округе? Если окраины выглядят именно так, то ничего кроме развалин вы здесь не найдёте

— Более, чем столетия назад, капитан. Тем не менее, альвийский отчёт был поразительно детален. Элюциды всё ещё стоят, и мы пока не знаем, какое бедствие стёрло их из анналов истории. Мы подойдём к городу не спеша. А пока разыщи-ка нам сухое местечко, чтобы разбить лагерь.

Эфренна нахмурилась, но спорить не стала. Анаксимандра была волшебницей Коллегии Таинств и бьющимся сердцем экспедиции, той, кто претворил её в жизнь. Именно она подала прошение об организации похода, убедила лектора Виглунда призвать верующих к оружию и договорилась о безопасном переходе с альвийской знатью. Какими бы магическими секретами, по её мнению, ни владели мистики из Элюцид, она несомненно перевернёт всё царство, а с ними и небеса, чтобы вернуть их обратно.

Капитан поспешила вперёд и под развевающимся знаменем полка нагнала свою командирскую свиту. Перед ней нарисовался грозный силуэт лейтенанта Малериха, тусклые ржаво-серые цвета Пяти Гвоздей служили отдушиной для глаз Эфренны в столь ярком свете. Кауст семенил прямо за ним, лицо лжеоракула являло собой жуткое месиво из швов, покрытых дыхательным аппаратом искусной дуардинской работы. Его рука нетерпеливо шарил в мешочках на поясе. Внутри лежали пузырьки с проблесками – собранными пророчествами, за которые Эфренне пришлось отвалить нехилую сумму на рынках Эксельсиса.

— Капитан. — Грузный лейтенант отсалютовал ей, но хмурое выражение довольно быстро вернулось к нему на лицо. — У меня чертовски болит голова от этого света.

— Ты уже должен был привыкнуть к нему, — сказала Эфренна. — Слышно что-нибудь от разведчиков? Надо бы найти место для лагеря во всей этой грязи.

Лейтенант покачал головой.

— Запаздывают они с возвращением, и это порядком меня беспокоит. Продраться через эти болота нелегко, что правда, то правда, но...

Взгляд Эфренны метнулся к Каусту, и тот понял её без слов. Он погрузил пузырёк в отверстие своего дыхательного аппарата, провернул его и жадно вдохнул хлынувшие оттуда сверкающие пары.

Кауст был лжепророком, притворным искателем знамений, чьё прозрение исходило лишь от фрагментированной силы проблесков Эксельсиса, но его чувствительность к этим кратким вспышкам откровений была сильнее, чем у большинства. Он был целиком и полностью предан запасу купленных Эфренной предвещаний и с упоением следил за нитью её собственной предполагаемой судьбы. Он жаждал узреть её будущее почти так же сильно, как и она сама.

Его изуродованное лицо расплылось в блаженной улыбке открытия.

— Смерть, — пробормотал он.

Внезапное движение всколыхнуло туманную дымку, окутавшую пейзаж. Но когда Эфренна заметила её, было уже слишком поздно. Из-за скал показались ряды сторбленных фигур, в руках они держали щиты из полированного металла, которые теперь отражали сияющий свет полуденного неба Хиша. Всего мгновение спустя она не видела уже ничего, кроме ослепительного сияния этого ложного рассвета.

Беспорядок. Смятение. Рассветные кричат, дерутся, визжат.

Эфренна заморгала, пытаясь развеять блики, которые остались от ярких щитов. Но прежде чем её слезящиеся глаза прояснились, воздух сотряс громоподобный раскат. Осколки металла забарабанили по её пластинчатому доспеху, и незащищённая сторона лица вспыхнула жгучей болью. Она почувствовала ужасную сернистую вонь.

— Взрывчатка? — хрипло пробормотала она, её рот был полон крови, а в ушах звенело. Протерев глаза, она увидела, как зубчатые, сочащиеся слизью арбалетные болты градом посыпались на них. Солдаты Пяти Гвоздей сомкнули свои щиты, образовав укрытие над её головой и, сдерживая смертоносный дождь. Другим из скопища толпы Рассветных повезло гораздо меньше. С пугающей точностью болты вонзались в головы и глотки людей.

Анаксимандра была невозмутима. Она стояла посреди всего этого безумия, с прямой спиной и пылающими руками. Всего через мгновение чистейшая сила небес вихрем закружилась над ней. Волшебница воссияла, словно герой из славной легенды, и оказавшиеся рядом Рассветные с благоговением уставились на свою предводительницу. Пламень надежды вновь зажёгся в их сердцах. А затем болт вонзился в шею Анаксимандры. Второй — пробил её плечо. Девственно-белые одежды покраснели от крови, и она рухнула в грязь.

Поход был обезглавлен, а его командир — убит. Шок и смятение прокатились по рядам Рассветных. Эфренна была в ужасе. Несколько секунд она не могла оторвать глаз от тела Анаксимандры, однако безжалостный дождь смерти, хлынувший со всех сторон, вывел её из этого состояния.

— Лейтенант! — крикнула она Малериху. — Держать строй!

Её заместитель кивнул и стал продираться вперёд сквозь толпу. Капитан осталась наедине со своими путанными мыслями, которые едва ли помогли оценить сложившуюся ситуацию. Анаксимандра была мертва, Рассветные дрогнули, а Эфренна понятия не имела, кто их враг. Она вскарабкалась на остов ближайшей повозки, — её щитососцы держались рядом, — и с облегчением отметила, что Кауст забрался под телегу и остаётся в безопасности.

Сверху она получила некоторое представление о ходе сражения. Пылкие Рассветные и вольные гильдийцы смешались друг с другом, и на миг Эфренна даже растерялась при виде такого беспорядка. Внезапно она увидела, как лейтенант другого полка упал замертво, пронзённый болтами. Лишь немногие офицеры всё ещё стояли на ногах. Лектор Виглунд размахивал своим боевым молотом и выкрикивал молитвы, но и он исчез в потоке грязи, пламени и дыма, когда в рядах воинов разорвалась ещё одна граната.

Худошавые оруки с длинными лапищами неслись прямо на Рассветных, выставив зубчатые копыта и

сверкающие щиты. Их кожа переливалась на свету от какой-то краски из толчёного перламутра и хрусталя, отчего в движении они больше походили на размытые пятна. Фигуры поменьше, похожие на гротов, сжимали в руках ужасные гранаты, а за ними, устроившись на скалистых выступах, стояли оружки, целящиеся из тяжёлых арбалетов. Зеленокожих было меньше, но у Эфренны просто не было времени построить ряды всех своих солдат. Она знала, что должна действовать сейчас, вцепиться противнику в глотку, пока сражение не обернулось откровенным разгромом.

Капитан вернулась в авангард колонны. Малерих проделал хорошую работу; солдаты не просто выстояли перед воющими, скалящими зубы врагами с яркими щитами, они переняли инициативу и теперь напирала на массивную толпу оружков.

— Пять Гвоздей! — прокричала Эфренна, вскинув латную перчатку, усыпанную гвоздями. — Один кулак!

— Пять Гвоздей — один кулак! — проревели солдаты в ответ.

Её ветераны — вовсе не напуганные паломники Рассветных и не простые солдаты. Это были лучшие воины Пяти Гвоздей, тяжёлые пехотинцы, облачённые в броню с литейных цехов Виндикарума и в большинстве своём вооружённые остро отточенными цвайхандерами, которые за один удар могут с лёгкостью разрубить оружка пополам. В бою они видали и не такое.

— По моей команде... в атаку!

Как один, солдаты с грохотом ринулись вперёд, и оружки дрогнули перед их натиском. На краткий, сияющий миг Эфренне показалось, что обитатели болот захлебнутся в крови своего поражения, но над топами взвыли рога зеленокожих, и враги просто-напросто растаяли. Через запруды и трясины они ускользнули от её ветеранов — растворились в дымке и ярком свете хишианского пейзажа.

Эфренна снова поморщилась, когда полевой хирург, ловко орудуя пинцетом, извлёк последний осколок металла. Через мгновение её щека вспыхнула под каплями очищающей жидкости. Но боль эта ни в какое сравнение не шла с тем дурным предчувствием, которое угнездилось в её животе. В отчаянной попытке осмыслить всё произошедшее капитан взглянула на походный стол, заваленный картами, отчётами альвов и заметками Анаксимандры об Элюцидах.

Арбалетные болты оружков были смазаны переливчатым ядом, который унёс жизни большинства походных командиров. Среди выживших офицеров вольной гильдии Эфренна оказалась старшей. Пригрозив всем тем, кто прекословил ей из храбрости, и подмаслив остальных обещаниями скорой передышки, ей удалось взять ситуацию под контроль, и общими усилиями Рассветные разбили лагерь на самом сухом участке, который только удалось найти посреди этого болота.

Проблема заключалась в том, что Эфренна не была Анаксимандрой, и, как следствие, не вызывала такого же уважения. В ходе изучения мистических наук в архивах Коллегии волшебница обнаружила упоминания о потерянных Элюцидах и их некогда могущественной магии. И именно благодаря её настойчивости жрецы приняли решение отправить туда рассветоносный поход. Опыт, связи и осязаемое могущество во владении магией принесли ей желанную должность командира, благословлённую и утверждённую теми же жрецами. Остальные беспрекословно последовали за волшебницей, потому что знали — без неё никакого похода просто-напросто не было бы. Каждую каплю с таким трудом завоёванного влияния и политического авторитета она потратила на то, чтобы реализовать свои амбиции и своё предназначение. И ради этого Анаксимандра была готова затащить тысячу душ в

сводящие с ума просторы Хиша. Эфренна восхищалась её абсолютной убеждённой, и неважно, что эта же самая убеждённая сгубила волшебницу.

Капитан отпустила хирурга и уставилась на тонкий, словно нити паутины, почерк Анаксимандры, пытаясь вникнуть в смысл написанного.

...элюцидийские теории о внешних мыслеформах как проявлениях внутренней воли...

...подобно призме из легенды Птолемея, незамутнённая истина способствует самопросветлению...

...ни единого упоминания о войне или ином конфликте, город просто-напросто перестаёт фигурировать в записях...

Тень упала на стол, и Эфренна несколько раз моргнула, когда силуэт приобрёл черты Кауста. Он посмотрел на неё сверху вниз. Его глаза слезились.

— Когда мы миновали врата владения, я говорил, что ваш час скоро настанет.

Она взглянула в ответ.

— Так ты это имел ввиду? Смерть Анаксимандры?

— Похоже на то, — прохрипел он. — Судьба похода теперь в ваших руках, впрочем, как и положенные награды.

— Другие совсем скоро перестанут меня слушать.

— Но пока они слушают и слышат. Шанс у вас есть. Неужто вы отступите?

— Мне... — протянула Эфренна, массируя виски, — мне нужно, знать, что произойдёт.

Влажные глаза лжеоракула голодно сверкнули, и он мигом вставил пузырёк с пророчеством в свою маску. Бледные пары заструились по трубкам, и от восторга Кауст издал булькающий звук.

— Свет, — сказал он после долгой паузы.

— Я думала, Хиш придал твоим видениям ясности, — огрызнулась Эфренна. — Мне нужно больше.

Дрожащей рукой Кауст поменял пузырёк.

— Свет, да. Твой свет и свет луны, особенно яркий в ночи.

Эфренна почувствовала, как в ней самой просыпается голод. Она наклонилась поближе.

— А орруки?

Лжепророк нащупал очередной пузырёк, но тот выскочил из дрожащих рук. Эфренна поймала его и подключила сама, наблюдая, как клубятся мерцающие пары, — такие густые, что Кауст поперхнулся и закашлялся. Что-то тёмное и блестящее просочилось через клапаны маски.

— Засада, — выдавил он. — Множество убийц в зеркальных доспехах сидят в засаде и ждут, когда ловушка сработает. — Трясущейся рукой он нащупал маску, открыл клапан и, выпустив отвратительную дымку, стал судорожно хватать ртом воздух.

— А город? Доберусь ли я до него? Приведу ли нас к победе? — Её голос сквозил откровенной нуждой, и

мысль об этом претила ей.

— Возможно, — сказал Кауст с влажной хрипотцой в голосе. — Я могу лишь указать тебе путь. Но пройти по нему придётся тебе самой.

Эфренна отвернулась от уродливого лжепророка и окликнула своего адъютанта.

Приблизившись к ней, Малерих неприязненно посмотрел на Кауста.

— Капитан?

— Через час сворачиваем лагерь и отправляемся в Элюциды. Сообщи всем.

Он недоумённо моргнул.

— Капитан? Я думал, план командира...

Эфренна прервала его, покачав головой.

— Анаксимандра не была солдатом вроде нас с тобой лейтенант. Будем сидеть сложа руки — враги всю кровь из нас высосут, а я понятия не имею, как долго смогу держать остальных в узде. — Она ткнула пальцем в альвийскую карту, изображающую окрестности Элюцид. — Южные ворота ближе всего. Болота в той стороне сменяются озёрами. Затем начинается море, но по пути к нему есть хотя бы мощёная дорога. Ступим на неё и пойдём прямо, до самых ворот. Близится завершение этого треклятого похода, Малерих. Если будем идти всю ночь, то к утру окажемся в городе.

— Остальным это не понравится, — сказал Малерих.

Судя по тону лейтенанта, ему эта идея тоже не приглянулась. И всё же с тех самых пор, как вербовщики Пяти Гвоздей впервые посетили кланы Обретённых на окраинах Ржавых Пустошей, Малерих был её соратником, и потому она знала, что он будет верить ей до конца.

Да и не могли они повернуть обратно, когда цель была так близко. Это нелёгкое решение судьба возложила на Эфренну, а та верила пророчествам Кауста и была твёрдо убеждена, что впереди их ждёт слава.

— У них нет выбора, — сказала она. — Один час, и авангард выступит, независимо от того, готовы остальные или нет.

По болоту стелился густой туман, но городу он был не помехой: Элюциды высились на горизонте и сияли подобно лунному отражению, прикованному к земле. Анаксимандра была права: город всё ещё стоял, окутанный серебром и резко выделяющийся на фоне сумерек, заменявших ночь этому владению. Теперь же иной свет бросил вызов сиянию Элюцид. Измученные рассветоносцы маршировали к городу во всполохах и переливах фонарей, факелов да ярящихся на повозках жаровен. Они и вправду несли рассвет, но рассвет рукотворный — солнце в пору городской луне.

Опасаясь, что на свет оруки слетятся как болотные мотыльки, солдаты сперва отказались зажигать факелы. Но Эфренна понимала, что твари разыщут их в любом случае, и свет послужит против них щитом. Когда стаи оруков показались из темноты и бросились на колонну, в клубах тумана расцвели пятна преломлённых лучей. Зеленокожих снайперов они сбили с толку — те просто-напросто не видели

свою добычу, – а остальным оружкам, подошедшим вплотную, вынесли суровое предупреждение, замельтешив по их металлическим щитам.

Ночь сгущалась. Походу удалось отбить несколько осторожных атак, но предсказание Кауста о засаде всё больше давило на Эфренну. Капитан видела, как очередная шайка оружков отступает в темноту после бесплодной вылазки, ускользая в глубокие воды болотных омутов, словно угри, и осознание пронзило её усталый разум.

— Озёра, — сказала она Малериху. — Эти чёртовы озера по обе стороны дороги. Вот где они устроят нам засаду. Проклятые болотники могут хоть сотню воинов спрятать в воде, а мы этого даже не узнаем, пока они не нападут.

— Вот тебе и «Десять Благодатей», — фыркнул Малерих. — Идеальное место для убоя. Маневрировать тут негде, только всех солдат утопим. — Он взглянул на далёкий, залитый лунным светом город. — Что нам делать?

— Другие ворота, с северной стороны. Судя по картам, дорог к ним не осталось, пробираться через трясины будет непросто, но и озёр там никаких нет.

Лейтенант указал на колонну солдат, освещённых факелами.

— Оружки заметят, что мы меняем курс. Нас перехватят.

Эфренна прикусила губу. Часть её желала сбавить обороты и отступить, но она убедила себя, что это глас неуверенности. Если она хотела победить оружков, действовать нужно было быстро, и прямо сейчас у неё появилось преимущество – раскрытая засада. Она должна пойти на риск. Иначе шанс овладеть собственной судьбой никогда больше не представится.

Кауст указал ей путь. Осталось набраться смелости, чтобы пройти по нему.

— Мы потушим свет. Это позволит нам выиграть время, пока рейд-отряды не вернулись к основным силам на озёрах. Ускорим марш и ворвёмся в город прежде, чем они смекнут, что к чему, а затем будем держать оборону.

Лейтенант уставился в клубящийся туман, на его лице была видна усталость.

— Рассветные истощены. Вы сами сказали, что пробираться по трясины будет тяжело, особенно в таком темпе. Не все смогут угнаться за нами.

Эфренна почувствовала тошноту, но постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

— Тогда те, кто слишком слаб, чтобы идти, отвлекут оружков и выиграют нам немного времени.

Крики всё ещё доносились из-за стен. Стоя на балконе самого высокого шпиля Элюцид, Эфренна оперлась руками о перила и оглядела раскинувшийся внизу город, стараясь не обращать внимания на протяжные вопли страданий и отчаяния.

Город, принадлежавший ей.

Малерих был прав. Измученная колонна Рассветных, едва переставлявших ноги, неизбежно распалась на пути к сияющей надежде Элюцид. Раненые, слабые и старые паломники не успели за основными

силами, которые как сумасшедшие рванули в зияющую пасть ворот. По ту сторону они обнаружили останки великого чуда. Каждая улица, каждое сооружение словно вышли из сна полубезумного стеклодува. Зеркал были сотни: многие треснули, а то и разлетелись вдребезги, иные покрылись пятнами и разводами — коррозия уже протянула к ним свои чёрные лапы. Но, к удивлению Эфренны, целых зеркал осталось ничуть не меньше. По приказу капитана большой отряд солдат и паломников, хлынувших в город, отправился к южным воротам — рано или поздно враг поймёт, что засада сорвана, и перейдёт в наступление. Другие разбежались по улицам города, и вновь зажжённые фонари наполнили древние зеркала красноватыми отражениями; они искали оружков и любые признаки магии, которая так взволновала Анаксимандру.

Тех, кто отстал, Эфренна бросила на произвол судьбы. «Если они были достаточно сильны для такого похода, — повторяла она про себя, — то и из болот смогли бы выбраться». Не её вина, что они задумали пройти по пути к славе, который оказался им не по плечу. Предвидя засаду и изменив курс, Эфренна была уверена, что спасла великий поход. Несколько жизней — скромная цена за победу.

Несмотря на смертельную усталость, Бринн попыталась сосредоточиться на серебристых отблесках и мягких тенях залитого лунным светом города. Улицы тянулись к ровным стенам в строгом геометрическом порядке, а за ними мерцали топи, растворяющиеся в объятиях моря. Эфренна старалась убедить себя, что это зрелище невиданной красоты — перво-наперво потому, что всё это теперь принадлежало ей. Да, формально поход шествовал во имя Зигмара, но именно её имя займёт почётное место в обновлённой истории Элюцид.

Всю жизнь ей приходилось бороться, будучи всего лишь пылинкой на фоне грандиозного размаха Владений Смертных — простой декорацией для славных деяний богов и героев. Сперва дитя, копошащееся в грязи Хамона, потом женщина из клана Обретённых, солдат вольной гильдии, капитан, и вот, коли ничто не склонит эту чашу весов, она вновь вернётся в ту же грязь, станет одной из немислимых тысяч — позабытой, никем неоплаканной, сгинувшей в бурлящем потоке времени.

Нет, такому не бывать. Они, наконец, *увидят*, кто она такая.

На душе у Эфренны потеплело. Кауст был прав. Ей предназначено стать великой.

Что-то, однако, продолжало грызть её изнутри, какой-то зуд, разрушавший мечты о величии. Она не могла отделаться от мысли, что красота, которая виделась ей вокруг, была всего лишь очередной скорлупкой.

Прищурившись, Эфренна взглянула на раскинувшийся внизу город. Что-то было не так возле южных ворот, хотя на таком расстоянии движения казались едва уловимыми, как от мошкеры. Этот район должен был сиять фонарями сотен рассветоносцев, но вдали плескался лишь лунный свет. Кровь застыла в её жилах, когда она наконец поняла.

Оружки прорвались через ворота.

Горизонт зарделся первыми лучами подступающего утра, над городом разнеслись вопли, и вскоре Элюциды потонули в отголосках, которые говорили об одном: судьба, постигшая защитников южных ворот, была всяко страшнее зазубренного копья, всаженного оружком в глотку.

Эфренна сбежала по винтовой лестнице шпиль к командному пункту, который они устроили в основании башни. Внутри царило сущее безумие, люди были в ужасе. Офицеры свернулись на полу и рыдали. Один

жрец, какой-то мелкий чтец из свиты лектора, гневно говорил с кем-то или с чем-то, видимым только ему, то и дело срываясь на крик и опровергая невысказанные обвинения. Дворянин, с которым Эфренна так и не удосужилась поговорить молотил руками по зеркалу, установленному в стене, обильно истекая кровью.

Капитан подбежала к распластавшемуся на полу Малериху, его голова билась в судорогах. Она встряхнула его, но выпученные глаза не обратили на неё внимания.

— Я *не* один, — стонал он. — Я не один. Я не *один*.

Бринн отвела глаза от дрожащего лейтенанта в поисках хоть какого-нибудь ответа и мельком взглянула на зеркала, которые висели повсюду. Никто из присутствующих в комнате не отражался в них — только она, десятки её копий.

«Мне страшно».

Непрошенная мысль вынырнула из глубин её сознания.

Она медленно поднялась на ноги, но зеркальные копии не повторили за ней. Вместо этого они придвинулись ближе и вжались в стеклянную преграду, которая отделяла их от капитана.

Эфренна забыла о Малерихе. Забыла обо всех остальных.

И рванула прочь из комнаты.

- - -

Как ни беги, а перегнать своё отражение нельзя. Куда бы Эфренна ни повернула, сотни разбитых копий неслись на неё со всех сторон, заключённые в клыки-осколки разбитых зеркал. Она выбросила фонарь и сбежала от его огонька, но теперь её преследовал лунный свет, проникая сквозь окна и отбрасывая вокруг длинные тени.

Все Элюиды потонули в слабых отзвуках битвы. Выбежав на открытую колоннаду, Эфренна увидела, как внизу, на улицах, некоторые Рассветные пытались сдержать натиск орруков, хотя большинство солдат и паломников оказались во власти зеркал. Слабое сопротивление ничего не стоило, поскольку обитатели болот убивали без всяких колебаний.

Один из зеленокожих — он был крупнее сородичей, а на поясе у него болтались куски покорёженного серебра, — поднял голову и заметил Эфренну. Его клыкастая пасть медленно расплзлась в улыбке, и капитан увидела своё отражение, глядящее из каждой грани сверкающей брони оррука.

Охваченная безумным страхом, Эфренна побежала по лабиринту, распахнула обветшалую дверь и внезапно погрузилась в благословенную темноту. На краткий миг она ощутила головокружительную эйфорию безопасности. Луны отсюда не было видно. Однако каким-то образом свет всё равно проникал внутрь, открывая высокие арки и зеркальные стены.

Эфренна поняла, что близится рассвет. Лучи его авангарда уже проступали вдалеке, на небесах за окном, безжалостно наполняя залу отражениями Эфренны.

«Мне страшно, — хором заговорили они её собственным голосом. — Я жалкая, ущербная тварь, напуганная тем, что ничего не достигла и что ничего не стою. В моём сердце, в глубине души, меня определяет мой страх и только».

— Нет, — возразила Эфренна, с трудом поднимаясь на ноги. □ Это неправда.

«Я узрела мир, населённый богами и овеянный легендами, и почувствовала себя такой маленькой. Я всё ещё тот ребёнок, сидящий в грязи и мечтающий поведать историю, достойную памяти. Я боюсь, что вернусь в эту грязь, что буду забыта, как и все остальные. Я боюсь, что лишилась своего предназначения и вовек не обрету его».

— Я не боюсь! — крикнула она. — Я капитан вольной гильдии! Я перешла реки крови, чтобы оказаться здесь, и принимала решения, другим непосильные! Я не боюсь.

«Я знаю, что это ложь», — ответили ей отражения.

Они больше не могли оставаться в сломанных рамах. Воздух вокруг Эфренны кровоточил и пузырился всполохами света.

— Назад! — взревела капитан, но они уже окружили её со всех сторон, смыкаясь, словно челюсти капкана.

Капкан.

Жуткое осознание снизошло на неё:

«Я так сильно хотела верить, что мне предначертано нечто особенное, но, похоже, в эру героев я всего лишь ещё одна дурочка. Оруки перехитрили меня».

— Они впустили нас. Они... они знали, — пробормотала она, запинаясь. — Оруки знали, что это произойдет. Эта магия, которую искала Анаксимандра, она никуда не исчезла.

Сотни самых сокровенных мыслей вырвались из потаённых глубин её сознания, озарённые жестоким, беспощадным светом, и закружили около неё. В гневе и ужасе она закричала, но хор ненависти к самой себе оказался громче. Эфренна вновь сорвалась на бег, и пока она бежала, они — она — скандировали ужасную истину.

«Мне невыносимо видеть себя такой, в правдивом свете, даже сейчас, в этот последний миг».

Она нашла Кауста в величественной ротонде, испещрённой прожилками и наростами кристаллической породы. Зеркал здесь, к счастью, не оказалось. Лжепророк стоял на коленях посреди кучи отблесков. Запрокинув голову, он взирал на то, что осталось от богато украшенного свода. Свет близящейся зари пробивался сквозь заоконные колоннады.

Опасаясь худшего, Эфренна бросилась к мужчине.

— С тобой всё в порядке? — спросила она. — Неужели ты... Зеркала, отражения в них, ты их видел?

— Они прекрасны, не так ли? — Он повернул голову к ней, и Эфренна оцепенела. На изуродованном шрамами лице застыло выражение, которое было ему чуждо.

Выражение торжества.

— Неужели ясность, — забормотал лжепророк. — Правда и только правда, не процеженная, необработанная. Между нами и этим моментом нет никаких знамений. Никакие возможности, никакие

пророчества не омрачают его сияния. Мы здесь, в самом конце. Всё так, как и положено.

Эфренна всматривалась в тени на его изуродованном лице, надеясь, что они явят хоть каплю здравого смысла.

— Кауст, орруки в городе. Если я ничего не сделаю, если не сплочу Рассветных, то зеленокожие перебьют нас всех. Этим ублюдкам, похоже, плевать на зеркала, словно они... они...

— Словно они полностью принимают собственную природу, — сказал Кауст. — Всё, что отражается в зеркалах, для них очевидно. Они лгут не себе. Они лгут другим. — В его голосе прозвучали нотки восхищения. — Мистики Элюцид хотели наделить свой народ совершенством, очистить его от изъянов. Но как это сделать? Правильно. Столкнуть их лицом к лицу с этими самыми изъянами.

— У меня нет на это времени, — прорычала Эфренна, схватив мужчину за плечи и рывком подняв его на ноги. Он был подозрительно лёгким. — Мне нужны ответы. Я должна знать, что мне делать.

Кауст протянул руку и прижал пальцы к латунным креплениям своего дыхательного аппарата.

— Мне это больше не понадобится, — сказал он. — Наконец-то свобода.

С шипением рвущихся наружу паров зависимый лжепророк стянул аппарат с головы и позволил ему упасть на пол. За едкими испарениями Эфренна впервые разглядела его лицо, — а ведь познакомились они очень давно, — и зрелище ужаснуло её. Расплывшийся в улыбке рот Кауста представлял собой щель, окружённую сухой рваной плотью, его протравленные зубы переливались всеми цветами радуги, но в какой-то тошнотворной палитре. Мертвенно-бледная кожа сморщилась вокруг медных глазниц. Однако хуже всего этого уродства и упадка был экстаз, написанный у него на лице.

— Почему всё так, Кауст? — потребовала она. — Я же говорила тебе читать знамения! Почему ты этого не предвидел?

— О, я предвидел, — сказал он.

Эфренна в ужасе уставилась на него.

— Ты видел это и ничего не сказал? Нет, ты... Ты должен был рассказать мне. Ты должен был направить меня!

Блаженная улыбка Кауста даже не дрогнула.

— Я так долго продирался сквозь пелену знамений и пророчеств. Всегда отдавал, всегда наблюдал, но чтобы жить... Нет, Эфренна, я толком и не жил вовсе! — В его горле что-то заклокотало, что-то очень влажное. Наружу вырвались булькающие смешки. На уродливых губах проступили слюни. — За спиной у меня разворачиваются сотни историй, которые мне не суждено пережить. Я только и могу, что черпать обрывки чужих судеб из отблесков. Тысяча вариантов будущего, и все они что-то да значат, но только не для меня. До сих пор, Эфренна. До тебя! Я узрел нити, которые влекли нас в это место, и даровал тебе ту истину, которая не позволит сбиться с пути.

Ярость вздыбилась внутри неё, и Эфренна поняла, с безжалостной ясностью, навязанной ей колдовством Элюцид, что эта эмоция — всего лишь бессилие, порожденное не праведностью, а отчаянием и страхом. Но она всё равно ударила его.

— Ты предал меня, — крикнула Эфренна. — Ты говорил, что я предназначена величию! Мне... Мне

предстояло стать героем... — Она замолчала, когда гнев утих. — Мне предстояло совершить что-то значимое.

Кауст взглянул на неё, не обращая внимания на кровь, растекающуюся по лицу.

— Я не лгал, Эфренна. Ты наконец-то воплотила своё предназначение. Радуйся! — В его голосе не было и следа насмешки, только ужасающая искренность. — Ты обрекла этот поход на гибель.

— Нет, — прошептала капитан. Силы покинули её, и она тяжело опустилась на мраморные ступени. — Нет. Ты лжёшь.

— О, твоё решение значит очень многое. Всё это — твоя заслуга, и горстка выживших никогда не забудет твоего имени. Так, как тебя, в эти беспокойные дни мало кого будут помнить. Ведь это то, чего ты всегда так хотела.

— Нет, не этого, — прошипела Эфренна.

— Обма-а-анщица, — протянул Кауст. Его тон был мягким, без всякого осуждения, но легче ей от этого не стало. Она знала, что он прав. — Ты была готова заплатить любую цену за величие. И теперь оно у тебя есть.

Она вновь встретилась с его взглядом. Рассвет ещё не наступил, но пробуждающееся сияние кое-как очерчивало фигуру лжепророка.

— Ты сделал это, — сказала она с вызовом. — Всё из-за тебя, я тут ни при чём.

Кауст покачал головой.

— Я наставил тебя на путь, по которому ты хотела пройти. Но как идти я никогда не говорил.

Его тёмный силуэт выделялся на фоне яркого света, приковывая к себе её внимание. Ей хотелось выплюнуть всё сказанное прямо ему в лицо, отринуть каждое произнесённое им слово, но солгать хотя бы ещё разок в этом оплоте жесточайшей правды она была просто не в силах.

— Ты тоже умрёшь, — сказала она наконец.

— Да, — ответил он. — Самым грубым, самым жестоким, самым реалистичным образом. Вот и конец моей истории. Ты даже не представляешь, с каким нетерпением я этого ждал. Это идеальная кульминация для всего, к чему я так долго стремился.

Эфренна поднялась со ступеней и сжала рукоять меча. Она думала, что вот-вот её захлестнёт жажда крови, желание прикончить Кауста на месте за совершённое им предательство, но всё что она почувствовала в этот момент — лишь пустоту вперемешку с крупными стыда и ужаса.

— Я не доставлю тебе такого удовольствия, — сказала она.

Но он уже смотрел мимо неё.

— Я знаю. Они сделают это за тебя, и сделают куда больнее.

Она обернулась и увидела силуэты проскальзывающие в ротонду.

Оруки нашли их.

Весь зал потонул в великолепных красках нового дня, и с ними пришло осознание. Для Эфренны Бринн всё было кончено.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ложный_рассвет_/False_Dawn_\(рассказ\)&oldid=23773](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ложный_рассвет_/False_Dawn_(рассказ)&oldid=23773)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 ноября 2023 в 20:08.